

Сентября 10 (23)

Священномученик
Василий Максимов

Священномученик Василий родился 28 января 1887 года в селе Бабка Павловского уезда Воронежской губернии в семье крестьянина Никиты Максимова. Семья жила бедно, а кроме того, Никита тяжело заболел и ослеп. Василий рос мальчиком благочестивым и послушным, и местный священник благословил его прислуживать в алтаре. Однажды в престольный праздник службу в храме совершал приезжий архиерей; ему понравился благочестивый, одаренный музыкальными способностями мальчик, и он взял его с собой к месту своего служения в Шадринск и определил в духовное училище. Василию было тогда четырнадцать лет.

В Шадринске он познакомился со своей будущей женой Юлией, которая училась в то время в музыкальном училище. Ее отец, священник Александр Конев, служил в храме на станции Мысовая Иркутской губернии.

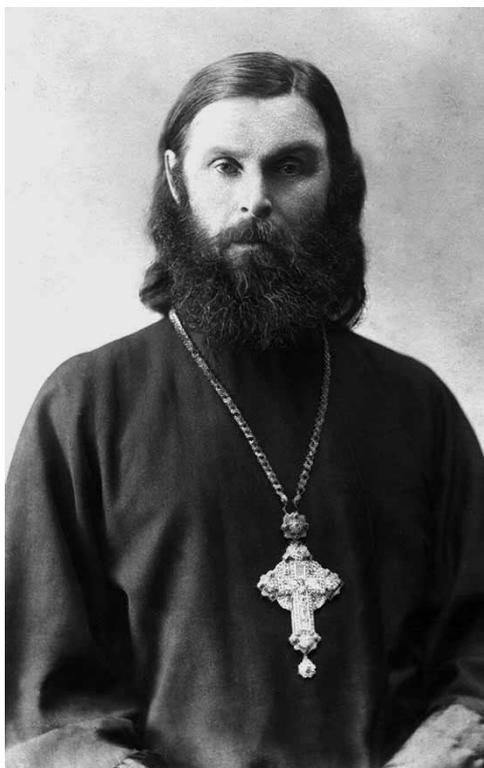
В 1914 году Василий Никитич был рукоположен в сан священника к одному из храмов города Шадринска, затем переведен в храм в городе Петропавловске. В 1923 году отец Василий переехал в Москву и был назначен в храм великомученика Никиты в селе Кабаново Орехово-Зуевского уезда Московской губернии. За безупречное и ревностное служение Церкви отец Василий был возведен в сан протоиерея и впоследствии награжден митрой и назначен благочинным.

В Кабанове было несколько домов, принадлежащих церкви: дома священника и диакона, церковноприходская школа и небольшая сторожка, где жила благочестивая девица Евфимия Вишнякова со своим отцом-сторожем. К ним в комнату была протянута веревка с колокольни, чтобы в случае проникновения в храм воров сторож мог звонить в колокол. Из церковных зданий к 1923 году за церковью остались только дом священника и сторожка.

Протоиерей Василий поселился с семьей в большом священническом доме. Служил отец Василий часто; за каждой службой он говорил проповеди, к которым всегда накануне тщательно готовился, пользуясь своей большой библиотекой. Отец Василий знал, что его проповеди достигают сердца прихожан и посему не нравятся гражданским властям, но он считал просвещение паствы своим неотъемлемым долгом. Народ понимал, что священник находится в опасном положении, и ценил, что он не устает проповедовать истины Христовы. Прихожане доверяли своему батюшке и знали, что в это трудное время они не одиноки и не оставлены и всегда могут обратиться к нему за помощью и поддержкой. И он в свою очередь старался всецело служить церковному народу и по каждой просьбе шел соборовать и причащать тех, кто не мог прийти в храм.

В 1927 году священника постигло несчастье – 10 июня скончалась его жена Юлия, которой исполнилось всего лишь тридцать два года. Она сковырнула на подбородке прыщик, началось заражение крови, и, не проболев недели, она умерла. Отец Василий остался с тремя детьми – дочерьми Марией и Ниной десяти и четырех лет и сыном Николаем, которому не исполнилось и двух лет. Для отца Василия это явилось тяжелым испытанием, потому что с женой они жили душа в душу и она была ему первым помощником. Первое время после

смерти жены он не мог спать и, бывало, как только дети засыпали, шел на могилу жены и подолгу молился. Случалось, проснутся дети, а отца нет, он на могиле матери. Эти переживания тяжело сказались впоследствии на здоровье священника.

Протоиерей Василий Максимов

В конце двадцатых годов в селе случился пожар, сгорело сразу несколько домов. Отец Василий уступил большой церковный дом семьям погорельцев, а сам перешел в небольшой домик на окраине села, хозяева которого пригласили к себе священника с детьми. Впоследствии он перешел жить в церковную сторожку, где на одной половине жила Евфимия с отцом, а на другой поселился отец Василий с детьми. Евфимия взяла на себя попечение о детях и старалась заменить им мать.

В 1934 году отец Василий писал своей племяннице в Алма-Ату: «Прислали нам налогу 360 рублей, и 55 рублей платить к 15 марта. Только половину уплатил. Спасибо помогают, а иначе плохо было бы. Как-нибудь и вторую заплачу. Теперь пост, народ ходит, и нужно удовлетворить его. Сегодня пели певчие. И говеющих было шестьдесят человек. Очень трудно, и устаю я, но зато и чувствую себя хорошо: все-таки люди остаются довольны. Они любят и помогают мне, и я все свои силы отдаю им».

Труды и переживания медленно подтачивали здоровье священника. В 1935 году отец Василий выехал по церковным делам в Москву с двумя прихожанами, алтарниками Василием и Николаем, которые много помогали ему в работах по храму. Все они остановились у его дочери Марии, которая жила в то время в Москве недалеко от Даниловского кладбища. Здесь у отца Василия открылось кровохарканье, и стало ясно, что состояние его здоровья скоро может стать критическим. Он отправился в больницу, и ему сказали, что у него туберкулезный процесс в легких и ему нужно немедленно лечиться. Врачи объяснили, что нужно

делать, и священник уехал домой. Надежды на то, что каверны зарубцуются и он вылечится, было немного.

Отца Василия спасла любовь прихожан. Как только они узнали, что священник тяжело болен, его завалили продуктами, в селе даже установилась очередь – кому какие продукты нести, прихожане снабжали его всем необходимым, только бы отец Василий выздоровел. Благодаря ли этим продуктам, поддержавшим физические силы священника, или благодаря той любви, которая обнаружилась у прихожан к своему батюшке, – он исцелился от туберкулеза совершенно.

Наступил 1937 год. Отовсюду стали приходиться известия об арестах священников и мирян. Нависла угроза ареста и над протоиереем Василием. Власти не раз предлагали священнику уйти из храма и, зная, что у него красивый и сильный голос, предлагали ему устроиться артистом в театре, но отец Василий отверг эти предложения как нелепые. Он стал готовиться к аресту и сжег самое дорогое для него – дневник своей покойной жены.

Глубокой ночью с 22 на 23 августа 1937 года в дверь той половины сторожки, где жила семья священника, постучали. Отец Василий открыл. В дом вошли сотрудники НКВД и велели священнику собираться и следовать за ними. Дети проснулись. Отец Василий стал собираться. Обыска не устраивали.

Выйдя вместе со священником из дома, один из сотрудников НКВД закрыл входную дверь на палку, чтобы дети не могли выйти вслед за отцом. Машина стояла далеко от дома, и к ней надо было идти. Прежде чем уходить, отец Василий попросил разрешения пройти на могилу жены и помолиться. Ему разрешили. Он помолился и направился к машине.

За всем происходящим наблюдала из своей половины Евфимия; как только она увидела, что все ушли, тут же прошла на другую половину к детям и начала их успокаивать и утешать. Впрочем, они были слишком малы, чтобы понять, что их любящий отец ушел от них навсегда. С этого времени Евфимия взяла на себя попечение и заботу о детях.

Протоиерея Василия заключили в тюрьму в Орехово-Зуеве, и здесь в первый раз он был допрошен. Лжесвидетели по должности и страха ради дали необходимые следствию показания, и следователь задавал вопросы священнику в соответствии с их показаниями.

– Следствию известно, – заявил он, – что вы в конце 1936 года среди верующих села Кабаново вели контрреволюционную агитацию против стахановского движения. Подтверждаете вы это?

– Разговор о стахановском движении мог быть, но отрицательного освещения я ему не придавал, – ответил протоиерей Василий.

– Вы среди верующих в конце 1936 года вели разговор, в котором объясняли, что старые хозяева фабрик, то есть капиталисты, больше заботились о рабочих, чем сейчас заботится о рабочих советская власть. Признаете вы это?

– Да, такой разговор мог быть, но я содержание его не помню, – ответил священник.

– Следствию известно, что вы в своих проповедях агитировали против вступления в колхозы. Подтверждаете вы это?

– Нет, в своих проповедях я никогда не касался политических вопросов.

– У гражданки Дарьи Емельяновны Федосеевой, жительницы села Кабаново, иногда происходят собрания с участием лиц – Варвары Молошковой, Марии Бабкиной и других. В этих собраниях принимали активное участие и вы,

обсуждая на них различного рода политические вопросы. Подтверждаете ли вы это?

– Означенные личности мне известны как богомольцы нашего храма, но проживают все в селе Дулево. Останавливаются они под тот или иной праздник на ночлег в доме Федосеевой. Но я никогда на этих собраниях не был, за исключением случаев поминок по Ольге Прохоровой. Бывали ли у них какие беседы и о чем, мне не известно. В моем присутствии никаких политических вопросов в беседах затронуто не было.

– Следствию известно, что вы неоднократно разрешали отправлять религиозные обряды в церкви в Кабаново без соответствующей регистрации посещающим вас священникам – Перову и Овчинникову. Подтверждаете ли вы это?

– Да, такие случаи имели место. Священник Овчинников служил несколько раз, а Перов для выполнения личных потребностей принимал участие в службе один раз. Это было, когда разрешения для службы посторонним священнослужителям не требовалось. После специального циркуляра Синода, запрещающего отправлять службы посторонним священнослужителям, я этого больше не разрешал.

– Вы разрешали иногда проживать у себя в квартире Перову и оказывали ему материальную помощь?

– Священник Перов у меня не проживал. В моем доме был один раз. Материальной помощи я лично от себя не оказывал.

– Вы знали, что Перов многократно арестовывался за контрреволюционную деятельность, и поддерживали его материально?

– Что Перов был арестован, я знал. Но причины его ареста мне не известны. Поддержки материальной я не оказывал.

– Следствию известно, что вы, будучи благочинным, требовали точного ведения метрических записей по правилам, существовавшим до революции, мотивируя эту необходимость на случай свержения существующего строя. Подтверждаете ли вы это?

– Да, я требовал точности записей, но только с точки зрения аккуратности учета и только для надобностей церкви. Никакой политической мотивировки я этому требованию совершенно не давал.

Несмотря на то, что отец Василий не признал себя виновным, в обвинительном заключении, составленном следователем 10 сентября, были воспроизведены все показания лжесвидетелей.

В начале сентября Евфимия и дети собрали отцу Василию передачу. В записке, перечислив все вещи, дочь Нина написала отцу: «Пальто, шарф, кепка, два полотенца, зубная щетка, мыло простое и духовое и мыльница, зубной порошок, футляр для щетки, две пары белья, вязаная рубаха, калоши.

Папочка! Мы здоровы. Мы учимся хорошо, о нас не беспокойся.

Папочка, мы тебя все целуем – Нина, Коля, Маруся. Ото всех поклон».

В тюрьму в Орехово-Зуево поехала Евфимия. Ей удалось передать священнику вещи и записку, на оборотной стороне которой он написал: «Дорогие мои и милые! Обо мне не беспокойтесь. Я здоров. Все в порядке. Дело еще не окончено. Учитесь хорошенько. Кто назначен на мое место или нет? Живите тут, никуда не уходите. Евфимии спасибо. Пошлите черную рубаху верхнюю и белую. Целую всех. Благословляю. Бог да хранит вас. 12 сентября 1937 года».

Вскоре после этого отца Василия перевезли в тюрьму в Москву. 20 сентября следователь коротко допросил священника.

– Вы признаете себя виновным в предъявленном вам обвинении?

– В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю.

22 сентября тройка НКВД приговорила отца Василия к расстрелу. Протоиерей Василий Максимов был расстрелян 23 сентября 1937 года и погребен в безвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

После ареста и смерти отца Василия, о чем, впрочем, его дети тогда не знали, старшая дочь Мария продала оставшийся от родителей сервиз на двадцать четыре персоны, который когда-то отцу Василию сделали по его заказу на Дулевской фабрике, и на эти деньги купила комнату в Вешняках в Москве. Переехав в нее, она взяла к себе брата и сестру. Библиотека отца Василия была подарена. Все светские книги, большую часть которых составляла русская классика, подарили усердному прихожанину Василию, дочь которого училась в институте и стала потом учительницей. Духовные книги отдали церковной певчей, а она передала их некоему молодому человеку, который, читая их, просвещался и был впоследствии рукоположен в сан священника.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 6. Тверь, 2002.

«Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии. Сентябрь-Октябрь». Тверь, 2003 год, стр. 16-23.